Я не то что схожу с ума, но устал за лето

Posted originally on the fanfiction.lol at https://fanfiction.lol/works/1333.

Rating:	Teen And Up Audiences
Archive Warning:	No Archive Warnings Apply
Category:	Slash (M/M)
Fandom:	Sherlock (BBC)
Relationship:	Jim Moriarty/John Watson
Characters:	John Watson (Sherlock BBC), Jim Moriarty (Sherlock BBC), Sherlock Holmes, Original Male Character(s)
Additional Tags:	Angst, Stalker Jim Moriarty (Sherlock BBC), Out of Character, Songfic, Post-Episode: s01e03 The Great Game, POV John Watson (Sherlock BBC), POV Jim Moriarty (Sherlock BBC), POV Alternating
Language:	Russian
Stats:	Published: 2011-08-11 Words: 2,436 Chapters: 2/2

Я не то что схожу с ума, но устал за лето

by Lucifer_is_my_pet

Summary

Джим заинтересовывается Джоном.

Notes

По мотивам стихотворения В. Бутусова «Чужой».

Автор больше умолчал, чем сказал, а всё, о чём автор не смог умолчать, он запихал в эпиграф.
Вполне вероятна лажа с матчастью.

Chapter 1

Мой чёрный человек в костюме сером.
В. Высоцкий

Чёрный человек! Ты прескверный гость.
С. Есенин

Гораздо страшнее твои догадки; на них я и озираюсь
И. Бродский

человек в пальто за моим окном
это видимо новый мой враг
ведь любой другой чужой человек
не пришел бы сюда просто так

— Доктор Уотсон, какой приятный сюрприз! Не возражаете? — с этими словами Джим опустился на стул напротив оторопевшего Джона. — Обедать в одиночку такая скука.

Джон напрягся всем телом, отложив от греха подальше вилку, и мельком глянул на грудь.

— Что вам нужно, мистер Мориарти?

— Хм, думаю, какой-нибудь лёгкий салат и чай, — задумчиво пробормотал Джим, подзывая официанта. Сделав заказ, Джим повернул голову и наткнулся на тяжёлый взгляд. Казалось, ещё немного, и в глазах Джона начнут сверкать молнии.

— По-моему, кто-то слишком драматизирует. Всего лишь совместный обед, разве это так затруднительно?

— Смотря с кем, — отозвался Джон. — В вашей компании я рискую заработать несварение.

— Да, если будете настроены так же враждебно, как и сейчас, — голос и внешний вид Джима, одетого в светлую футболку и джинсы, с болтающимися в вырезе очками-поларoидами, лучились миролюбием. — Да бросьте.

Джон сделал попытку подняться, но Джим успел положить руку ему на плечо и, подавшись вперёд, едва ли не зашипел на ухо:

— Не обижайте меня отказом, доктор. Вам ведь не хочется, чтобы по вашей вине кто-нибудь из посетителей пострадал?

Маска довольного жизнью парня треснула, наружу проглянул жестокий и расчётливый криминальный консультант. По коже Джона пробежали мурашки.

— Ублюдок, — еле слышно ответил он и сел обратно. Взял вилку и принялся доедать мясо.

— Приятно, что мы пришли к взаимопониманию, — Джим оценивающе взглянул на принесённый салат.

Несколько минут они молча жевали. Из-за желания поскорее убраться из злополучной закусочной, Джон дважды чуть не подавился, чем вызвал у сотрапезника граничившую с издёвкой весёлость. К счастью, чай заказал только Джим. Покончив с салатом, он вдохнул аромат крепко заваренного напитка и принялся цедить его маленькими глоточками. Джону ничего не оставалось, кроме как сидеть и смотреть на это. Хотя после нескольких таких глотков он отвёл взгляд, полный неприязни, и обратил его на стену с висевшей на ней яркой картиной. Погрузившись в мрачные размышления, Джон не заметил, как Джим, поставив кружку на стол, внимательно разглядывал его. Губы преступника-консультанта пару раз дёрнулись, словно в попытке изобразить улыбку.

— Премного благодарен вам, доктор Уотсон, за компанию. Но, боюсь, мне уже пора, дела не ждут, — Джим стремительно поднялся и, не оглядываясь, вышел.
В непонятном оцепенении Джон сверлил взглядом пустой стул и очнулся, когда официантка позвала его.

— Кажется, это вам, — она показала на сложенную пополам оранжевую бумажку.
— Это лежало под блюдцем.

В записке размашистым почерком было написано: «Через две недели, в это же время». Джон подавил порыв зарычать. Скомканная бумажка перекочевала в карман брюк, откуда выпала по прошествии десяти дней, одним лишь цветом напомнив о назначенной встрече.

* * *

и если он поднимет глаза
то в окно сквозь тюлевый дым
он увидит портрет с лицом на стекле
где я только что был молодым

Джим был доволен. Собой и окружающим миром. Такое случалось крайне редко, и Джим смаковал мгновения разве что без причмокивания. Затея нравилась ему всё больше и больше с каждой новой встречей. Он не торопил события, время всегда было его надёжным союзником. Нельзя приготовить яичницу, не разбив яиц и не поджарив их, как следует.

Прошло полгода после игры с заложниками. Все три активных её участника выжили, отделавшись несмертельными травмами. Джим был рад, что лицо почти не пострадало, пусть и не оно играло главную роль в его деятельности. Как только он смог сидеть, то, вооружившись ноутбуком, проверил состояние дел и дал команду обновить систему слежки за квартирой 221б на Бейкер-стрит. Играть с Шерлоком он был больше не намерен: всему надо знать предел, тем более что Джим понял, как можно легко

заставить детектива плясать под дудку или даже треугольник. Но убивать Шерлока сейчас было бы слишком опрометчиво. В первую очередь по причине влиятельности его старшего брата. Несомненно, у Джима нашлась бы пара козырей в рукаве, чтобы остудить пыл жаждущего мести Майкрофта, но тот всё равно основательно попортил бы ему жизнь и вмешался в деятельность, чего допустить было нельзя ни в коем случае. И потому, не растрачивая сил на угрозы и предупреждения, Джим предавался привычным занятиям, параллельно наблюдая за происходящим в квартире Шерлока. Вопреки всему, после выписки из больницы отношения между друзьями слегка ухудшились. Причина была неизвестна и несущественна. Неожиданный интерес у Джима начал вызывать сначала не стоивший внимания доктор Уотсон. Он, как выяснилось, отличался от типичных верных псов. Да и был он явно не псом, а, скорее, одомашненным волком. И волк всё чаще стал показывать зубы. Удивительно, Шерлок не разгадал своего соседа до конца, зачерпнул сверху, как привык, убежденный, что *его* поверхностного осмотра более чем хватит. Шерлок дважды совершил одну и ту же ошибку, слишком гордый и самоуверенный для перепроверки полученных данных. У Джима, таким образом, появилось ещё одно занятие. Помимо слежки, он по крупицам собирал информацию о прошлом Джона Уотсона. Прошлое оказалось весьма *насыщенным*. Мориарти задавался вопросом, проделал ли подобную работу Майкрофт, когда узнал о новом знакомом брата. Если и проделал, то недостаточно хорошо, в противном случае Шерлок был бы посвящён в детали биографии друга, и вёл себя по-другому. Как точно по-другому, сказать было трудно, но в том, что в их квартире с самого начала царила совсем не та атмосфера, что прежде, Джим не сомневался.

— Отчего же наш лихой доктор предпочёл сделаться домашним тапочком? — спрашивал он у монитора, куда передавалось изображение мирно спящего Джона.

* * *

он увидит меня, он запомнит лицо
он узнает мой нервный взгляд
и чужой человек в тёмном пальто
не оставит меня просто так

Встречи всё не прекращались, неприятная неожиданность стала традицией. Совместные обеды превратились в совместные прогулки по довольно экзотичным местам: отданным под снос зданиям, крышам, каким-то подворотням, заброшенным паркам. Джим чувствовал себя по меньшей мере королём преступного мира и вёл себя соответственно. Джон не знал, действительно ли в руках этого ирландца было сосредоточено столько власти, но не имел оснований этому не верить. Размах деятельности Джима поражал воображение. Подробностей Джону не сообщали, но этого и не требовалось: даже обрывочных сведений хватало с головой, чтобы удивить, напугать, ужаснуть любого обывателя. К счастью, Джон не являлся любым. Опасность пропитала окружающий Джима воздух, будоражила кровь. Это было куда экстремальнее охоты: находиться рядом с таким хищником, вроде бы изучая, но на самом деле лишь наблюдая. Джим неизменно впечатлял живостью эмоций, никак не вязавшейся с холодной рассудочностью, цинизмом, потребностью в движении. Он был этаким препетуум мобиле, гениальным и преступным. Однажды Джон поймал

себя на том, что не сводит с разглагольствующего Джима глаз, что привело его в сильнейшее раздражение. Джон не понимал, что в нём не так, как могло случиться, что он считал Джима Мориарти захватывающим. Хотя гораздо острее стоял вопрос, касающийся причин, по которым Джим назначал все эти встречи, и его дальнейших намерений. Теории, одна другой абсурднее, возникали и отметались.

— А почему, по-твоему, люди вообще что-то делают? Мне скучно, — пожал плечами Джим, когда вопрос всё-таки был озвучен. Джон дёрнулся, почувствовав холодные пальцы у уха.

— Листик, — Джим продемонстрировал желтоватый подсохший лист и выбросил его, тут же утратив к волосам Джона всякий интерес.

Далеко не первый «случайный контакт», число которых как будто росло в последнее время — или это Джон теперь болезненней на них реагировал? Очередной вопрос без ответа. Стоило ли задаваться ими вообще? Всё равно ответ должен был найтись сам, либо он был не так уж необходим.

— Расскажи мне. Про Афганистан, — потребовал Джим в своей обычной манере.

— Что именно ты хочешь услышать?

— Много людей умерло на твоих руках? Скольких ты убил? — глаза Джима горели жестоким любопытством. Бестактность его не ведала границ.

— Много, — ответил Джон, сжав челюсти. — Не считал ни тех, ни других.

— Ой ли? — пропел Джим, улыбаясь.

— Если ты знаешь, зачем же спрашиваешь? — Джон давно приучился не отводить взгляд. Из жара его бросало в холод: в присутствии Джима состояние частое, но так и не ставшее привычным. Тот словно гладил Джона против шерсти, умудряясь ещё и прихватить её на загривке. Приходилось терпеть, закрывая глаза, в прямом и переносном смысле. Если бы Джон позволил себе сорваться, это бы лишь раззадорило Джима. Вот только потакать его капризам Джон не собирался. Всем, по крайней мере, точно.

Одними встречами вторжение в его жизнь Джима Мориарти не ограничилось. Периодически с заблокированного номера на мобильный Джона поступали звонки, игнорировать которые было неблагоразумно, хотя и сэкономило бы кучу нервов, потраченных в ходе разговоров. В какой-то момент он понял, что уже не может отделаться от ощущения постоянного присутствия Джима где-то поблизости. Злые нотки в его голосе смягчились, разговоры по телефону больше не заканчивались ругательствами на повышенных тонах. Джим с удовлетворением отметил, что Джон смирился. Он по-прежнему был напряжён и внимателен, ожидая подвоха в каждом слове, пусть он и не был мастером распознавать словесные ловушки, но перестал огрызаться и смотрел на Джима не так ненавидяще.

* * *

— С Днём Рожденья тебя, — раздалось мелодичное в трубке. — С Днём Рожденья тебя. С Днём Рожденья, милый Джонни...

— Хотя бы в этот день ты можешь оставить меня в покое? — зевая, поинтересовался Джон, дослушав песенку до конца.

— А как же мой подарок? Я так долго над ним думал, ночей не спал...

— Подари кому-нибудь другому, — буркнул Джон и, разъеденившись, повалился обратно на подушку. Часы на телефоне показывали две минуты первого.

Джон и думать позабыл об этой беседе, когда днём носился по зданию Скотланд-Ярда за преступником, а потом своими руками извлекал из инспектора Диммока пулю. После того как раненого увезла «скорая», Джон направился в ближайший туалет, чтобы вымыть руки. В кармане завибрировал мобильный.

— Как тебе подарок?

Несколько секунд понадобилось Джону, чтобы осмыслить сказанное, ещё через минуту в туалет заглянул Шерлок.

— Джон, ты кричал... — он не договорил, увидев разлетевшийся на части телефон, на который снова и снова опускался ботинок.

* * *

чужой человек приходит ко мне
зажимает мне руки в тиски
и я вижу как жадно он пьет из меня
остатки вина и тоски

Джон сломал свой мобильный. Джон растоптал его. Если бы в кабинете Джима, как и в комнате Джона, имелась камера, наблюдатель имел удовольствие созерцать улыбку, которая после этого инцидента очень долго не сходила с губ Джима и в течение последующих дней регулярно возвращалась. Непонятно почему, доведение Джона до белого каления стало одним из его любимых развлечений. Особенно, находясь рядом. Тогда появлялась возможность видеть результаты своих стараний. И зрелище всегда стоило потраченного времени. Как только Джон начинал злиться, в глаза его проникала очаровательная дикость, а лицо словно каменело. Затаив дыхание, Джим восторженно впитывал этот образ, образ Джона-не-доброго-доктора, Джона-из-прошлого. Это было так забавно: устраивать ему своеобразную шоковую терапию, причём лично. Раньше такого не случалось. Даже игру с Шерлоком Джим вёл через третьи лица и показался под конец, лишь для того, чтобы сбить с того спесь. Что, кажется, пошло ему на пользу. С Джоном всё было в новинку. С ним требовалось взаимодействие, личное присутствие. Поначалу эта необходимость напрягала, но вскоре никакого дискомфорта не ощущалось. Существовал ещё один нюанс: искренность. Такие люди, как Джон, не терпят фальши и наигранности. Но в данном случае в них не было надобности, сама натура Джима была наилучшим образом

заточена, чтобы отсечь лишнее и придать нужные *ему* очертания, оставить знаки. Без лишних движений, без притворства.

Джим не понял, как так быстро и просто получилось, что в ходе очередной беседы Джон, выйдя из себя, толкнул его к стене. Он что-то сердито выговаривал, впечатывая кулак в кирпичи над головой Джима, в голосе звенела усталая ярость. Джим не смог удержаться, заулыбался, и у Джона окончательно слетели тормоза. Поцелуй был злым как апофеоз всех криков и взглядов, он был жадным как кульминация всех случайных прикосновений. Холод, пробивавшийся сквозь куртку, чужие руки где-то на шее — нет, в этом поцелуе не было решительно ничего хорошего. Когда Джон резко прекратил поцелуй, ошалело ткнувшись носом в щёку Джима, тот посмотрел прямо в камеру на противоположной стене и положил ладонь ему на затылок.

Chapter 2: Эпилог

чужой человек уходит назад
за собой не оставив следа
и я знаю что этот чужой человек
не вернется сюда никогда

Эти несколько месяцев были невероятно трудными. Джон *отвыкал*. Он стыдился встречаться с Шерлоком взглядом, несмотря на то что был прощён. Слишком сильным было помешательство, чтобы обойтись без последствий. Последствия буйным цветом цвели всюду, и больше всего их накопилось внутри самого Джона.

Предварительно покаявшись перед сестрой, он купил новый телефон, на который уже не поступали звонки и смс с заблокированного номера. Выходки скучающего Шерлока выглядели просто милым ребячеством. И хотя чувствовать себя списанным за ненадобностью было паршиво, Джон на удивление быстро с этим справился.

«Хренов камикадзе», — подумал Джон, прежде чем его завалило. Юный пироманьяк, которого они с Шерлоком успешно выследили, имел целый склад взрывчатки, где и попытался спрятаться. В кои-то веки Джон пошёл первым и тут же нарвался. Точнее, он-то был осторожен, но парень заметил его, заметил пистолет у него в руках и психанул.

«Сам виноват», — было последней мыслью Джона, потом он потерял сознание, оглушённый.

* * *

Бетти очень любила свой коллектив. Иногда она даже называла всех медсестёр большой дружной семьёй. Врачи же называли их «больничным телеграфом» за страсть ко всякого рода сплетням и скорость их распространения по этажам. Конечно, Бетти вовсе не была сплетницей, она просто считала, что новостями следует делиться. И потому когда к ним перевели мужчину с множеством ожогов и сотрясением, — доктора, кстати, холостого, кстати, — она сочла правильным рассказать ему про странность, о которой ей утром поведала Пенни. Ведь эта странность касалась самого пациента.

— Представляете, — щебетала она, меняя бинты, — пока вы лежали в отделении интенсивной терапии, у вашей палаты какое-то Вавилонское столпотворение случилось. Сначала, значит, ваш друг, кудрявый такой и сердитый, просился внутрь, с ним был инспектор, потом пришла сестра, лаялась с другом вашим, она, говорят, была не совсем трезва, но её увела пришедшая с ней девушка... А был ещё странный медбрат. Ходил всё время в маске, почти ни с кем не говорил, покрутился около врачей и ушёл. Я-то его не видела, но девочки сказали, что у него акцент был вроде как ирландский. А после его никто не видел... Вот странно, правда?

* * *

Едва было дано разрешение на посещение, палату Джона наводнили гости. Больше всего времени проводил здесь Шерлок. Он ругал врачей, рассказал всю подноготную соседей по палате, а также нескольких встретившихся ему медсестёр, и часто спрашивал о самочувствии. Джон на всё это улыбался, но больше молчал, чем говорил, сидя в кровати и положив руки на одеяло. Мыслями он постоянно был где-то далеко, отчего на лице проступала то ли грусть, то ли боль. От всего Джона, когда он задумывался, веяло отчуждённостью. Отчуждённостью, которая так и не прошла, которую упорно не лечило трижды неладное время.

— А что с тем парнем, Томасом? — неожиданно спросил Джон.

Шерлок с недоверием посмотрел на него: до этого Джон ни разу не интересовался завершением дела о пиромане.

— Его поймали?

— В каком-то смысле, да, — отозвался Шерлок, подбирая слова. — В тот день ему удалось скрыться, помог взрыв, но не прошло и суток, как в Скотланд-Ярд пришла посылка.

Шерлок прервался, и Джон нахмурился.

— Что было в посылке?

— Томас. Частями. И флешка с видеозаписью чистосердечного признания.

Джон опустил голову, закрыв лицо рукой, плечи его затряслись. Шерлок растерялся, собрался встать и подойти, но в следующий момент палату огласил громкий хохот.

человек в пальто за моим окном
смотрит как будто вдаль
человек за углом в темном пальто
будет везде и всегда

Please drop by the Archive and comment to let the creator know if you enjoyed their work!